

НАШ НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЕР БЕСТ

ЛЕВ
АННИНСКИЙ
РУССКИЕ
И НЕРУССКИЕ

Национальный бестселлер

Лев Аннинский
Русские и нерусские

«Алисторус»

2012

Аннинский Л. А.

Русские и нерусские / Л. А. Аннинский — «Алисторус»,
2012 — (Национальный бестселлер)

Книга известного писателя, публициста, ведущего телевизионных передач Льва Аннинского – о месте России и русских в меняющемся мире, о межнациональных отношениях на разных исторических этапах, о самосознании евреев в России и вне ее, о нашем нынешнем ощущении русской истории. Сохранится ли русский народ как нация или исчезнет с лица земли, что случалось с другими в истории цивилизации? Автор рассматривает полярные прогнозы на этот счет, полемизируя с идеологами разных концепций и взглядов.

© Аннинский Л. А., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

Вместо пролога	5
А если исчезнем?	5
Мы и наши соседи	7
Диалектика тотальности	7
Тевтобург – Веймар – Аушвиц	9
«Это... азиатское отродье»	12
Ясность зла, смутность добра	15
Славянская комета	17
От перемены мест...	20
Они – грузины	22
Капсулированный дух	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Лев Аннинский

Русские и нерусские

Вместо пролога

А если исчезнем?

Выступление в клубе «Свободное слово» на дискуссии о судьбе России

Я впишусь в контекст дискуссии с помощью Когана и Рабиновича.

Поэт Павел Коган в свое время написал стихотворение о том, что мы еще дойдем до Ганга... до Японии, до Англии и т. д. С точки зрения геополитики все это кажется сегодня дикой бестактностью. Но, как только что правильно сказал поэт Вадим Рабинович, это пронзительная поэтическая правда.

Блок написал о нас как о скифах провокационную чушь – с точки зрения геополитики, но с точки зрения поэзии – это великая правда. И такое у Блока не редкость. Чтобы не хвататься еще раз за поэму «Двенадцать», напомним куликовский цикл: если вы читали комментарии к этому циклу, то знаете, что под *татарами* Блок изначально имел в виду *интеллигенцию*, к которой принадлежал сам. И Блок, влюбленный в средиземноморскую культуру, воображал, что мы ему поверим, будто в качестве скифа он готов удушить ее!

Но в таком случае – где тут великая поэтическая правда?

Правда в том, что Россия обречена все время примериваться к великой роли. Правильно сказал Дугин: это наш рок – или великая, или никакая. Амплуа грандиозное, но с обыденной точки зрения: ничего себе перспективка!

В этом геополитическом пространстве все равно кто-то должен созидать межнациональное государство, то есть строить империю. Аттила прошел бичом божьим – не сделал. Греки пробовали – надорвались. Чингис аж на вселенскую сверхзадачу замахнулся – мировой империи не вышло, но гигантское многонациональное государство на какое-то время построил.

И славянам государственный инстинкт привил – своим же наследникам на горе. Славяне и финны, тех же татар втянув, великое государство создали. Тимур хотел перехватить – сорвалось: Баязит помешал. В XX веке Гитлер пытался во всей Европе германский порядок насадить, до Урала дойти хотел – не вышло. Мы помешали.

Немцы и в Средние века по тридцать лет воевали, чтобы мир вокруг себя выстроить. Ничего у них не вышло.

Почему у русских вышло?

Потому что у русских никакой изначально русской модели, под которую они хотели бы подогнать мир, не было, а сформировались русские в результате усилий многих племен примириться вокруг идеи, взятой напрокат у греков. Идея была вселенская, а не русская. Вадим Кожинов называет этот тип власти *идеократия*. Можно иронизировать насчет такого типа власти, но тысячелетняя история России – это все-таки в целом не отрицательный, а положительный опыт сосуществования народов, не исчезавших под имперским катком, а сохранявших имена и лица. Это не попытка всех сделать русскими, а осознание себя русскими при попытке всех остаться самими собой.

У немцев не вышло, а у русских – вышло. Потому что немцы всегда пытались сделать *немецкую* империю, то есть Священную Римскую империю *германского* народа, причем дру-

гим народам предоставлялся выбор: или исчезнуть, или стать немцами (да еще и не всем позволили бы стать). Русские же сами появились в ходе того, что здесь смешивалось, они сами продукты смешения славян, финнов, ордынцев... Мы втягивали всех и со всеми смешивались. Вот поэтому на столь долгое время у нас это получилось.

Вопрос: получится ли дальше? Надолго ли развалилось? Под каким именем возродится? И возродится ли, или будут кипеть сто племен в междоусобии «горячих точек»? Этого никто не предскажет.

Но если получится, то есть если возродится сильное многонациональное государство, – легче не будет: будет тяжело. Потому что имперское тягло – это неизбежное ярмо на всяком человеке, в том числе и на интеллигенте, который по определению мечтает о свободе от всякого ярма и тягла. И громче всех кричит от боли и пищит от ужаса в контексте империи именно интеллигенция. По высшему замыслу она, так сказать, это и должна делать. Именно интеллигенция больше всего втаптывала в грязь Советский Союз, именно она способствовала его концу, и именно она теперь в растерянности спрашивает себя, зачем все это произошло, стало ли ей лучше и откуда в сердце такая тревога.

Нет больше империи, ни Советской, ни Российской. Есть расходящиеся регионы, распадающиеся суверенитеты, разгорающиеся национальные амбиции. Вопрос стоит так: кто и как соберет это пустующее место?

Почему пустующее? А правильно эстонец сказал Георгию Гачеву: вы, русские, работаете день и ночь и в результате чувствуете, что вы делаете *ничего*!

Мировой замах, вселенское величие – это же, в известном смысле, борьба с пустотой. Это то, о чем Толстой сказал: все во мне и я во всем! Это всегда только *проект* – проект мировой державы, проект мировой справедливости, проект мировой революции – что угодно, но это в конце концов, при попытке финального осуществления – *ничто*. Виртуальность.

А если это *что-то*, то что-то маленькое, этнически «чистое», исторически «частное». И тогда это уже не та Россия, в которой мы выросли. И тогда нам надо смириться с тем, что мы исчезаем как великий народ.

У меня было два разговора со Львом Николаевичем Гумилевым, они врезались в сознание. Однажды он сказал, что Россия это хрящ, выросший от трения Запада о Восток, Европы об Азию. Интересная формулировка, она оставляет открытым вопрос – а есть ли у России своя *внутренняя* задача, если она только следствие, «нарастающее» от взаимодействия прочих частей?

Тогда следующий вопрос: что обо что будет тереться в будущем, скажем, столетии (я уже не говорю о тысячелетии)? Что, будет Север об Юг тереться? Где мы тогда окажемся?

Будет ли у нас *своя* задача?

А если исчезнем?

Тогда придется утешаться фразой великого японца Акутагавы: я умираю, но то, что меня породило, породит второго меня.

Мы и наши соседи

Диалектика тотальности

Тотальность монолитна, одномерна, сверхлична и неменяема. Тоталитаризм не ищет ни аргументации, ни тем более правил аргументации, он втягивает все и вся в воронку, так что втянутые задним числом осознают смысл того, что с ними произошло.

Тем интереснее лексическая статистика текстов, в которых исследуются отношения России и Германии за истекший век. Речь идет о двух самых беспредельных, самых жестоких вариантах тоталитаризма, какие знала история.

Что за понятие возникает чаще всего по ходу их смертельного противоборства?

Двойственность. Двоение. Двойной стандарт. Двойная мораль. Двоящаяся цель.

Пример скальпельного рассечения реальности: «Гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий, государство немецкое остается». Даже такому «византийцу», как Сталин, подобное перенацеливание в разгар драки далось непросто. Что же говорить о тех немцах, которые сразу после драки начали создавать государство, в плоти которого народ, тотально вовлеченный в гитлеризм, разом перешел в разряд «строителей светлого будущего»? Шизофреническая история!

Еще шаг в прошлое – в то предвоенное прошлое, когда лучшие немецкие коммунисты, спасаясь от нацизма, эмигрировали в СССР. Вместо ожидавшегося царства социальной справедливости они обнаружили нищую страну, пустые магазины, лагерный террор... Эти честные немцы так и не решились выговорить правду, то есть разрушить ту мечту о воплощенном коммунизме, которая помогала им выдерживать мерзость буржуазной реальности; они, и вернувшись в ГДР, продолжали мучиться двойной моралью, не говоря всей правды о сталинском тоталитаризме. Писатели, добровольно пошедшие на эту нравственную Голгофу, превратились, по меткому слову Густава Реглера, из инженеров душ в живодеров душ.

А русским было легче? Продолжать видеть в немецких рабочих 1941 года передовой отряд мировой революции и одновременно – штурмовой отряд того «враждебного окружения», в котором, по сталинской логике, оказался бастион мировой революции! И вообще – что за фантастический расклад, когда главной ненавидимой фигурой является социал-предатель, а тот, кому он предает наше правое дело, остается в тени, да еще оттуда, из тени, протягивают нам руки для Пакта?

Конечно, киногения есть киногения: фашизм ассоциируется (на экране, а потом и в массовом сознании) с замкнутым темным пространством, а все «наше» – с выходом на светлый простор, на воздух, на солнце... Такая образная антитеза помогает душе ориентироваться в лабиринте конкретных ситуаций, но ведь от двусмысленности *самых* ситуаций может поехать крыша не только у честных коммунистов...

И это же – эпохой раньше, в Первую мировую войну. Прицелы опять дwoятся. Немцы смотрят на русских то ли как на партнеров, с которыми на протяжении веков шел культурный обмен (не только научными, литературными, музыкальными, но и династическими кадрами), то ли как на пустое место, как на насекомых, разбегающихся по ландшафту, как на нечто, имени не имеющее. Может, там вообще не русские, а монголы, воскресшие из XIII века, чтобы вклиниться в новейший «спор культур» и смести самый этот спор в дикость.

А русские, громящие в 1914 году немецкие магазины? Они что, разбираются в нюансах? Они быют подряд всех, кто *похож* на немца, не вчитываясь в генеалогическое древо, которое добропорядочные остзейцы вывешивают на дверях своих лавок...

Никаких «аргументов», никакой «диалектики»!

А все-таки поищем ее в двоящихся фронтах двукратной мировой бойни.

Русская агитка 1914 года построена на том, что враг смешон. Дурного вкуса полно, трагизма ни на грош, не боимся мы немца, потешаемся над ним.

Немецкая агитка, напротив, полна трагического пафоса. Идет борьба Нибелунгов с нерасчленимой массой; победа над нею патетична; убитых русских считают миллионами «штук», они разбегаются, оставляя тевтонов в загадочном расступающемся пространстве.

Хитрые «византийцы» тайно чуют опору, мечтательные «тевтоны» – нет.

1941 год. Советская агитка сворачивает революционные сюжеты и ставит народ перед фактом нашествия. Слова «оккупант» и «захватчик» весомее, чем «фашист» и «немец» (немца вроде и нет, есть все тот же высмеиваемый «фриц»). Подо всем этим – реальность.

Геббельсовская агитация строится на ирреальности. «Чем больше лжи, тем легче верят». О простодушные юберменши: и это стряпается в народе, давшем Канта и Гёте!

А может, тут как раз логика?

Берем исходные ситуации: советская власть получила в наследство от царизма полуграмотный малокультурный народ; отсюда сверхзадача агитпропа – просветить, раскрыть народу глаза на реальность. Германский народ – поголовно грамотный, он – носитель великой культуры, и ему гитлеровская пропаганда не собирается «раскрывать глаза». Напротив, ей надо искать такую точку, чтобы «скосить глаза». Геббельс озабочен вовсе не охватом истины, он ищет контактные сюжеты, «коммуникативные ситуации», рассчитанные на тех, кто воспримет химеру: «еврейский заговор», «отбросы истории», «буденновские шапки». Верит ли в химеры сам пропагандист и есть ли за ними реальность, – уже не важно. Выйти из этого абсурда, не попрощавшись с логикой, невозможно.

Вы можете себе представить в устах Геббельса фразу: «Народ русский, государство российское остается»? Увы. Никаких на сей счет планов после своей победы немцы не предусматривали, Гитлер такие варианты просто запрещал обсуждать. Тайный страх сильнее аргументов.

Тотальный страх великого народа, зажато в центре Европы и не находящего, к чему приложить свою мощь – в отличие от Британии, переплывающей моря, и от России, разбегающейся в немереные пространства.

В финале драмы наш Агитпроп успевает унять ненавидящего немцев Эренбурга («товарищ упрощает») и – на плакатах – вывести из фашистской темницы на светлый простор великих немцев: Канта, Шиллера, Гёте и даже Гейне (насчет последнего – явно «упрощая»). Мы их, так сказать, *вывели*. Как их ввести обратно? Немецкие историки до сей поры решают: был ли нацизм порождением германизма или чуждым явлением, *оккупировавшим* Германию.

Впрочем, и мы до сих пор решаем, висел ли коммунизм ярмом на доброй русский шее, или он и был шеей, которая удержала голову, когда по ней лупили те же немцы.

Тоталитаризм прост, пока воюет. Нет войны – и соображаешь, откуда у него что растет. Начинается диалектика.

Тевтобург – Веймар – Аушвиц

Как немец стал гитлеровцем?

Два слова об авторе, на суждения которого я опираюсь, теряясь перед фатальным вопросом. Иоахим Фест. Восьмидесятилетний патриарх немецких историков. В недавнем прошлом редактор крупнейшей газеты «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг». Автор классических трудов по истории Третьего рейха и, в частности, книги «Гитлер», переведенной группой пермских германистов, – фрагмент из книги опубликован Гомельским университетом (сборник «Война в славянских литературах», Мозырь, 2006).

Немец изучает историю своего народа – нам-то что?

А то, что две мировые войны прокатились по нашим судьбам и душам. Пепел стучит: как все это оказалось возможно? Железные колонны, танковые армии, газовые печи, методичное уничтожение приговоренных наций, мировой порядок, спроектированный на крови. Как все это могло родиться в сознании одного из культурнейших народов мировой истории?

Учтем трагедию 1918 года – унижение Компьенской капитуляции, комплекс неполноценности, навязанной народу, полноценность которого была доказана веками работы и творчества. Но ведь и в 1914 год промаршировали в касках! Как же это? Куда делся тихий и добрый философ, учитель музыки, увековеченный и у нас в облике вовсе не эсэсовца, а обаятельного Карла Иваныча, героя толстовского «Детства»?

Может, заглянуть глубже? В те времена, когда Карл Иваныч еще не родился, а родился Мартин Лютер, прорывавший: «Не могу иначе!» А может, и еще глубже – во времена, когда Арминий Гордый подстерег в Тевтобургском лесу тогдашних властителей мира – римлян, чем обозначил начало германского участия в мировой истории?

Для своего момента это была смесь воинской находчивости и политического предательства, ибо римляне доверяли своему другу-союзнику и не ожидали удара в спину. Но для мировой истории оказалась важна не римская обида, а тот факт, что на Севере Европы обнаружилась мощная сила, ищущая выхода.

Эта сила со временем перехватила у Рима Европу и самое имя, назвавшись «Священной Римской империей германской нации».

Прочие нации не смирились с таким самопровозглашением и тридцать лет лупили немцев в XVII веке, пока не раздолбали империю на мелкие княжества, в которых и притихла (на время) энергия великого народа.

Что вынесли немцы из первого их имперского опыта, закончившегося так плачевно?

«Фигура добродушного, невоинственного, мечтательного немца на долгое время стала предметом насмешек для более самоуверенных соседей, – пишет Фест. – На деле же там затаилась глубокая подозрительность – реакция народа, исторический опыт которого был почти целиком отмечен ощущением угрозы. На основе его срединного географического положения у него рано развились комплексы окруженности и необходимости обороны, они-то самым ужасным образом и подтвердились в так никогда и не преодоленном страшном опыте тридцатилетней войны, превратившей страну в почти безлюдную пустыню. Самым значительным наследием войны были травмирующее чувство незащищенности и глубоко запрятанный страх перед хаосом любого рода».

Справиться с хаосом в исторической реальности немец не мог – к этой неумняемой реальности он испытывал отвращение. Он стал выстраивать другую реальность – в мечтах и звуках. Мощь интеллекта, лишенного земной опоры, устремилась ввысь, подобно шпилью пламенеющей готики, и нашла себя в звездном небе. Древний опыт несторианской ереси, укрывшейся в холодных дебрях Севера от пустынного зноя ортодоксии, – акцент не на божествен-

ной, а на человеческой природе Духа, – позволил поместить нравственный закон «внутри нас», оставив все остальное вне закона.

Этот человеческий акцент позволил Духу избежать надмирности и укорениться в земном устройении, но поскольку в стиснутой соседями середине Европы места для устройства не было, – немецкая энергия ринулась обустроить Мироздание в кабинетах.

По словам Фихте, эта энергия разметала скалы мыслей, из которых в следующие века возвела жилища. То ли жилища, то ли пепелища... немецкая классическая философия вовсе не имела в виду стать одним из источников беспощадной русской революции (как не имели этого в виду английская политэкономия и французский социализм). Но и для Германии философский опыт стал роковым.

Интеллектуальный радикализм Германии не знал себе подобных, именно эта неповторимость придала немецкому духу величие и характерный блеск. Но что касается действительности, то тут имела место полная неспособность к прагматическому типу поведения, в котором примирились бы друг с другом мышление и жизнь, а разум стал бы разумным. Немецкий дух мало заботился об этом. Он был в буквальном смысле слова асоциален и стоял в прославляемом противоречии с жизнью: дух безоговорочный и концентрированный, всегда в позиции «не могу иначе», с почти апокалипсической «тягой к интеллектуальной пропасти», на краю которой виделась не столько банальная человеческая действительность, сколько целые эпохи и миры, гибнущие в катастрофе.

Господи, Бог мой, что этому Духу было до жизни!

Еще меньше дела было – до политики. Политика – искусство возможного, немецкий же Дух, убежденный в невозможности осуществления своих грез, строил несбыточное в музыке, в искусстве, в философии, в умозрении.

Это была тонкая месть реальному миру – посрамление реальности Духом.

Но пока на старинных портретах темнели погруженные в раздумья предки – на брэнной земле назревали перемены, сравнимые с великим переселением народов: немцу недолго оставалось предаваться филистерскому счастью у семейного очага и лихорадке научного познания в тиши кабинетов.

Интересно, что новый Арминий появился не в Пруссии с ее железным бисмарковским самообладанием, а в Австрии с эмоциональной непредсказуемостью жителей разваливающейся империи. Возник дикий гибрид мифологического и рационального мышления. Народ поэтов и мыслителей поверил в миф – не в миф политического обустройства Германии, а в миф судьбоносного переустройства Вселенной.

Захотелось вернуть запутавшемуся миру простоту, величие, экстаз, харизму и гениальность. Не Бисмарк, а Перикл забрезжил в грезах. Автобаны, которые должны были связать воедино воссоединенный рейх, потом Европу, потом Мир, – показались чем-то вроде Рима с его культом порядка в пределах. Все, что в пределах, следовало очистить, все, что за пределами, – уничтожить. Умозрение окрасилось кровью.

Оставалось вложить в этот мировой проект *немецкую последовательность и непомерную логику.*

Безудержная словоохотливость бесшабашного маргинала и художника-неудачника получила шанс наполниться каменным спокойствием прусского вояки, провожающего в газовую камеры всех, кто не дотянул до юберменша.

Гитлер пришел к власти законнейшим демократическим путем. Старые партии, ему противостоявшие, либо не принимали его всерьез, либо надеялись *удержать этого авантюриста на поводке.*

Вышло иначе. После 30 января 1933 года *словно по тайному знаку* начались массовые перебежки в стан национал-социалистов.

Европа почувствовала озноб: началась неведомая эпоха.

Иоахим Фест пишет: *вопреки бытующему мнению, развитие немецкого Духа отнюдь не ведет только к Освенциму.*

Как хотелось бы, чтобы он оказался прав!

«Это... азиатское отродье»

В безнадежной судьбе Русской освободительной армии, которая в составе гитлеровского вермахта пошла воевать против Красной Армии, самая безнадежная судьба – у создателя РОА генерала Андрея Власова. Кажется, что уж он-то – жертва стечения обстоятельств. Сложись ситуация иначе (в июне 1942 года, когда немцы отрезали его 2-ю ударную армию), – продолжал бы любимец Сталина лихо воевать против немцев, лупил бы их в Сталинграде, а Победу в мае 1945 года наверняка встретил бы в маршальских погонах.

И скроен прямо-таки на «русского народного героя», чуть не по меркам лесковского Ахиллы Десницына: семинарист-недоучка, громогласный верзила, веселый матерщинник, неумолимый бражник, бабник.

Гиммлер зафиксировал то, что немцы сказали этому русскому, когда взяли в плен: «Нам ясно, что вы человек значительный, вот вам шнапс, сигареты и бабы». Цитирую – по замечательному очерку Леонида Млечина «Особая папка» в «Вечерней Москве», но не могу отделаться от наваждения, будто устами Гиммлера реагирует на русского лихача описанный Лесковым тихий немец Гуго Пекторалис, русской «непомерностью» уязвленный... но так было во времена Лескова. Гиммлер же в глубине души предателя презирает. Хотя и готов использовать.

Шнапс, сигареты и баб немцы Власову обеспечивают. Поразительно, но даже в апреле 1945-го, потеряв последнюю надежду переметнуться к американцам, Власов пьянствует с эсэсовским оберфюрером, приставленным к нему следить, чтобы не сбежал. До последнего момента немцы чувствуют: мог бы – сбежал!

Весной 1945-го бежать ему уже некуда. А за два с половиной года до того, в 1941-м, под Киевом – из безвыходного окружения – выкрутился! Потеряв в окружении армию, переоделся крестьянином и с палочкой – к своим! После чего Сталин поверил в счастливую звезду этого мужика и опять дал ему армию – уже под Москвой. И ведь не ошибся: генерал Власов – «в валенках, стеганых ватных брюках и меховом жилете поверх генеральской гимнастерки» – выбил немцев из Волоколамска и стал одним из спасителей Москвы.

Удивительно ли, что Сталин увидел в нем и возможного спасителя Ленинграда? И опять дал ему армию – для прорыва блокады – ту самую, 2-ю ударную.

Увы: блокирована оказалась 2-я ударная. Виноват в этом был не Власов, а Сталин, запретивший армии отход. Судьба словно предложила Власову повторить киевский подвиг, и три недели он бродил по болотам, переодевшись крестьянином и рассчитывая выйти к своим (а перед тем последнюю прорывную атаку штабистов, пытавшихся вырваться из немецкого кольца, возгласил лично! – нет, в чем в чем, а в малодушии его не обвинишь).

В плен его взяли почти вслепую, случайно, поначалу и не опознав. Когда он понял, что попался, – заорал басом вошедшим в сарай немцам:

– Не стрелять! Я генерал Власов!

Значит, ни скрыться, ни перехитрить их уже не попытался. Мгновенно оборвал все: сдался с концами. Повернул личный фронт на 180 градусов. И объявил поход Русской освободительной армии против сталинской тирании.

Может, на измученных пленом недавних красноармейцев его костюмированный патриотизм и подействовал. Но немцы к этому новоявленному русскому вождю с самого начала отнеслись с безразличностью: для них он был прежде всего предатель.

Леонид Млечин приводит состав РОА. 50 тысяч человек. В основном бывшие солдаты и командиры РККА – Красной Армии. Белоэмигрантов меньше – эти к Власову идут неохотно, разве что уж под самый конец войны, и то – в основном казачьи части.

Что казачьи части – объяснимо: у них к Советской власти свой счет, со времен троцкистско-свердловского «расказачивания», им и терять нечего. А вот белоэмигранты, патриоты идей-

ные, – те понимают, что какой Сталин ни изверг, но именно он отбивает Россию от немцев, и пойти против Сталина – значит стать прежде всего изменником России, все остальные доводы потом. И насчет военнопленных понятно: эти просто хотят избежать бессмысленной гибели, умеют только воевать и идут к Власову, чтобы получить оружие. На что они рассчитывают? Что Власов и впрямь въедет в Кремль на белом коне?

И еще: надо различать в составе РОА людей белогвардейски убежденных и – наоборот, которым все равно, за счет чьей крови спасаться. Фигурально говоря (если искать примеры в ближайшем власовском окружении) это случай Жеребкова и случай Жиленкова. Одно дело – давний эмигрант, действительный ненавистник Советской власти, и другое дело – слесарь-пролетарий, эту власть взращенный, комсомольский вожак, потом парторг, комиссар, член Военного совета... и он же – «власовский Геббельс» – Георгий Жиленков, собрат Власова по петле 1946 года.

Геббельс, между тем, всерьез рассчитывает использовать власовскую авантюру в интересах гитлеровского рейха. И даже записывает (в дневник, то есть искренне): «Генерал Власов в высшей степени интеллигентный и энергичный русский военачальник». И тут же объясняет, почему: оказывается, что «интеллигентный военачальник» пообещал ему, Геббельсу, что национал-социализм спасет Россию...

Верит ли в это сам Власов?

Ни в коем случае! Его план лишен интеллигентских мерихлюндий: ударить по Сталину, а сокрушив Советскую власть, получить у немцев русское государство. А добром не отдадут, так ударить и им в спину.

Власов в этот безумный план, может быть, и верит. Но есть в Германии человек, который ни при каких обстоятельствах ничего подобного не допустит. И, между прочим, видит Власова насквозь.

Этот человек – Гитлер.

Интересно, что услуги свои попавший в плен Власов предлагает не «рейху» и его главе, а армейскому германскому командованию, и использовать его в качестве вербовщика-перебежчика начинают именно военные армейского звена. Они, конечно, чувствуют, что этот русский пытается вести свою игру, он даже «надеется в недалеком будущем принять немцев как гостей в Москве» – эту шутку немецкие генералы расценивают как «неслыханную наглость». Но в оперативных целях позволяют ему вербовать людей в РОА, то есть раскалывать антигитлеровский фронт.

Гитлер ничего об этом не знает. Когда узнает (из доклада Гиммлера), то приходит в ярость. Не желая портить операцию своих генералов, не приказывает казнить Власова немедленно, а просто заявляет, что не хочет ничего о нем знать.

В конце концов, приходится узнать и фюреру о власовских дальних планах и объясниться насчет места русских в «новой Европе».

Конечно, построить эту «новую Европу» только немецкими руками трудно. Приходится использовать и других. Пока это выгодно. Как и при Наполеоне, на восток прет «европейский интернационал». Запомнились нашим людям в составе оккупационных войск и добродушные румыны, и злые мадьяры, и какие-то эфемерные итальянцы-испанцы, и весьма неэфемерные танки, сделанные братьями-славянами на чешских заводах. Но в будущем всех немцев ждет не общий братский союз, а скорее общая могила. Евреи и цыгане – первые. А русские?

Русскую армию, которую мечтает воссоздать Власов, фюрер объявляет чистейшей фантазией:

– Русские нужны нам только как рабочая сила в Германии. И чтобы они не размножались. Все земли, считавшиеся русскими, будут заселены немцами. Я с русскими не желаю иметь ничего общего. Я растопчу это... азиатское отродье.

Может, петля, в которой после закрытого судебного процесса в Москве кончил жизнь 1 августа 1946 года Андрей Андреевич Власов, избавила его от еще более низкой и страшной участи?

Ясность зла, смутность добра

Люди, знающие историю гитлеровского рейха, не усомнятся в том, какова эта «ясность» в немецком оригинале: *«Банальность зла»* – название книги Ханы Арендт о Карле Эйхмане. «Смутность» же в современной немецкой историографии обозначается несколько более тяжело: *«Внутренняя противоречивость добра»*. Это тоже название книги: Саул Фридлендер о Герштайне. Поскольку два последних имени – сравнительно со всемирно славным именем антифашистки-писательницы Арендт и со всемирно проклятым именем фашиста-палача Эйхмана – известны мало, поясню, что Фридлендер – еврейский публицист, а Герштайн причастен к деяниям немецких *спасателей* – тех немногих, что в гитлеровской Германии старались евреев выручать: прятали, подкармливали, убирали из смертных списков, устраивали побег.

А сам этот сюжет я беру из недавно вышедшей книги Самсона Мадиевского «Другие немцы. Сопротивление спасателей в Третьем рейхе». Книга вышла в Москве, а автор ее (начавший свое научное поприще когда-то в Советской Молдавии) живет в Германии. Четверть текста – на немецком языке – скрупулезные ссылки на источники. Четверть финальной страницы – благодарность институтам, архивам, музеям и отдельным гражданам, предоставившим материалы. Рядом с дюжиной германских адресов – один израильский: Яд Вашем.

Отдавая должное научной (немецкой!) выверенности этого труда (для нас – просто первопроходческого), приведу перечень глав, чтобы масштаб работы Мадиевского стал ясен: история проблемы и источники; виды и формы действий; мотивировки спасателей; социопсихологические их характеристики; их взаимоотношения с немецким населением; грозившие им кары и, наконец, их (то есть немцев, которые выручали евреев) самооценка.

Зло – ясное: немецкая однородная общность очищается от евреев; всякий, кто этому препятствует и укрывает врагов рейха, – предатель; народ кричит «хайль!», и в этом общем вопле исчезают различия рабочих и студентов, солдат и интеллектуалов, немецких матерей и отцов режима, съевших общий немецкий суп и причастившихся к расе сверхчеловеков.

Добро, напротив, смутно, противоречиво, неясно, часто немотивированно. Социальная база сопротивления зыбка и неуловима. Евреев спасает вчерашний социал-демократ (уже в лагерном бараке) и графиня-аристократка (в своем роскошном имении), гестаповец (выправляющий документы) и проститутка (в бардаке выдающая еврея за своего клиента).

Рискует они страшно: по законам военного времени (и предвоенного тоже) спасатели ставят на карту свои жизни.

Во имя чего?

На этот-то вопрос и нет однозначного ответа.

Простейший случай: евреев спасают за вознаграждение. Подкупить можно кого угодно. Эсэсовец, которому еврейская семья отдает все свои сбережения, обещает переправить ее через пограничную реку....

Вы спросите: а еврейская семья не боится, что этот немец донесет или, на худой конец, просто «кинет» несчастных в ту же реку и останется на берегу с их деньгами? Вопрос особенно хорош в русской интонации...

Ответ: во время переправы немец посадил еврейского ребенка на закорки; волной ребенка смыло; и вот этот немец нырнул за ним, вытащил за шиворот, спас и – доставил-таки на тот берег, как обещал!

Не исключено, что этот эсэсовец на другой день отправил других евреев в лагерь смерти. Выполняя служебный долг! Ответ – в немецкой интонации...

Положим, тут – пунктуальная верность договору. Денежному. Но ведь спасали же и без всякой выгоды!

Таились, конечно, среди спасателей идейные противники нацистского режима. Попадались не идейные, а просто «буржуазно-порядочные» немцы, христиански-терпимые к иудаизму. Или, наконец, лично знакомые или дорогие жертвам: бывшая немецкая прислуга выручала бывших еврейских хозяев; немецкие няньки спасали выращенных ими еврейских детей; «арийски чистые» немки правдой и неправдой вытаскивали из застенков и облав своих еврейских мужей.

Это все объяснимо.

Но если не было *ничего* этого, *никаких* личных мотивов, *никаких вообще* личных побуждений, – а все равно спасали «непонятно почему» – вот это как объяснить?

И ведь не просто против режима оборачивались действия таких спасателей, а против огромной массы людей, захваченных эйфорией гитлеризма! Если угодно, спасатели шли против *народа*. И главная опасность была – не в бдительности спецслужб, являвшихся с обысками, а в повальной бдительности соседей, по доносам которых и являлись с обысками полиция или жандармы. А если вместе с ними являлся и еврей-предатель, тут уж вообще все рационально объяснимое кончалось...

И все равно – спасали!

Военное время – страшное. Тут воешь со всеми, как волк в стае. И из драки не выскочишь. Допустим, немец спас еврея и помог переправить его в лес. А в лесу – партизаны. Есть у этого немца гарантия, что еврей, получивший в лесу оружие, не убьет его в бою?

И все-таки – спасали.

Еврейская девочка после войны разыскала своих спасателей, поехала к ним в деревню, чтобы отблагодарить. Те выслушали, выразили удовлетворение, а потом тихо попросили никогда не появляться больше. Потому что в глазах односельчан их подвиг выглядел попреком, воспринимался как вызов к покаянию, а то и как провокация: односельчане вовсе не собирались каяться, у них не было ни сил, ни желания отвечать за Гитлера – душевные силы на это нашлись разве что у следующего поколения...

А сами спасатели – чувствовали ли себя героями? Да нет же! До конца дней их мучила совесть. Помогли одному, а сотне помочь не могли, и этот кошмар заставлял их молчать... то ли о своем подвиге, то ли о своем бессилии.

И все равно ведь спасали!

Да что же это в человеке – в условиях тоталитарного режима, в разгар войны, идя вразрез с настроением «народной общности», вопреки доводам разума, вопреки инстинкту самосохранения, без всякой надежды – идти на такое? В тисках рейха – спасти евреев, в тисках диктатуры пролетариата – спасти дворян, буржуев, попов, в тисках веры – спасти еретиков веры.

Даже и не спасать. А провожая на гибель – просто взглянуть в глаза отверженному, незаметно пожать руку, шепнуть: «Держитесь...»

«Мы видели, как они несчастны, не могли же мы не поддержать их...»

На дне души присягнувшего солдата, безотказного винтика системы, безропотного раба божьего – таится что-то, не дающее человечеству окончательно озвереть.

Хотя бы одного спасти. Хотя бы одному спастись.

«Кто спасает одну жизнь, спасает целый мир». Это цитата из Талмуда. С. Мадиевский свидетельствует, что она в большом ходу у современных немецких историков.

История полна смут. Чтобы их вынести, нужны мгновения ясности. Чтобы не снесло мутной волной во время очередной переправы.

Славянская комета

Когда осенью 1914 года Юзеф Пилсудский стал формировать в Галиции польские легионы «Стрелец», чтобы они под австро-германским командованием пошли воевать против русской армии, Осип Мандельштам, написал (и напечатал) следующий поэтический портрет Польши:

А ты, славянская комета,
В своем блужданье вековом
Рассыпалась чужим огнем,
Сообщница чужого света!

То, что польскую тему так остро пережил Мандельштам, вообще-то мало причастный к славянскому патриотизму, достойно удивления. Но еще более удивительно то, что этот эпизод из биографии поэта с полным сочувствием воспроизводит другой поэт – Станислав Куняев, для которого Мандельштам был настолько замурован в свое еврейство, что приходилось его от оного защищать. Есть, стало быть, противник, настолько невыносимый для Куняева, что он берет себе Мандельштама в союзники.

Этот противник – польское шляхетство.

«Шляхта и мы» – сочинение Куняева, появившееся первоначально (и урезанно) в журнале «Наш современник», уже взвинтило поляков на ответную ярость (но не помешало им признать, что это – «самая основательная попытка освещения польско-русской темы»).

Теперь трактат выпущен отдельным изданием. В несокращенном виде. С приложением «антирусских» стихов польских поэтов, включая одиозных «Дзядов» Мицкевича (не более антирусских, я думаю, чем стихи вольнолюбивых русских поэтов того времени, ненавидевших и обличавших царизм). Мне, однако, интересен в данном случае не Мицкевич и не польская реакция на куняевский памфлет. И даже не предшественники Куняева в русской поэзии (и публицистике), разделенные им на интеллигентов-полонофилов и государственников-полонофобов. Меня интересует сам Куняев. Яркий поэт, он моделирует наше общее состояние.

Как историк он демонстрирует завидную фактическую осведомленность. Но как историка, вогнавшего в полтора-два страницы малого формата полтысячелетия русско-польского противостояния: и то, что Польша дважды овладевала Москвой, и что однажды – Киевом, и что трижды выходила на берег Днепра... да что там Днепр – по извилам родной Оки могла бы пролечь граница «при другом повороте истории»... так вот, эти повороты, включая судьбу «стрельцов» Пилсудского и «жолнежей» Андерса, – все это лучше меня оценят историки. Меня интересует душа поэта.

Концепция его проста, как дыхание: России надо бы держаться «подальше от поляков», как и от евреев. Но подальше «не получается». А раз не получается, то надо как-то вместить это в душу.

Душа мучается. Православное самосознание велит миловать падших, но бойцовский темперамент вскипает при каждом вспомянута ударе и заставляет бить с утроенной ответной силой. «Государственный инстинкт» диктует жесткую непримиримость, но сердце не выдерживает.

Сорок лет назад, посмотрев во Львове «Пепел и алмаз» Вайды, Куняев почувствовал, что и убитый молодым террористом «седой партийный человек», может быть, более нужен Польше, чем этот безумец. Выйдя из кинотеатра, сел на лавочку возле памятника Мицкевичу и написал («на одном дыхании», что у такого зубра бывало не часто):

Умирает убийца на свалке,
только я никому не судья,
просто жалко – и девушку жалко,
и его, и тебя, и себя...

Поразительно не то, что в 1963 году Куняев, еще не освободившийся от влияния Слуцкого, написал такие стихи. Поразительно, что он их полностью цитирует теперь в своей полонороческой книжке. Словно освободиться не может.

Но хочет. Наступает на горло песне.

Откуда же эта пересиливающая все жгучая обида?

Причина – их шляхетский гонор. Их, поляков, экзальтированное высокомерие. Их опереточный форс. Их истерическое мессианство. Главное же – их презрение к нам, русским, так хлестко описанное Чеславом Милошем. Наше «оловянное спокойствие», наша варварская примитивность, веками «бесившая» шляхтичей с их изысканным вкусом.

Для Куняева эти качества – нечто извечное, генетическое, почти не меняющееся от столетия к столетию. И здесь – мое кардинальное расхождение с ним. Много ли беды было нам от поляков до Стефана Батория? Все начинается с XVI века, когда Речи Посполитой выпадает шанс стать великой европейской, а в XVII веке – великой евразийской державой. Никакой католицизм (по отношению к которому Куняев пылает неподдельным православным гневом) не объясняет польского характера, и сам католицизм (за которым стоит миллиардная масса, многократно превышающая вес Польши в мировой драме) совершенно не исчерпывает польской «героищизны». Хотя в определенных условиях помогает польскому характеру реализоваться. Но только потому, что в геополитической драме был миг, когда история поманила шляхту к мировой роли, но – обманула. А она поверила и изготовилась.

Отсюда – нервная экзальтация, воспаленная мания величия. Но ведь и у русских в Смуту, когда их великая роль стояла на кону, хватало авантюрной лихости; наше тогдашнее казачество вело себя едва ли не «по-польски». Навали судьба роль великой державы на поляков – очень скоро и они выработали бы у себя «оловянное спокойствие». Обошла их судьба великой ролью – и аж в XX веке еще вспыхивает, угасая, темперамент народа, внутренне готового к величию, не теряющего кураж уже и в обстановке полной безнадёги. Можно драться с Гитлером, полагаясь на свои силы, как дрались сербы. Можно благоразумно уклониться от такой драки и сберечь силы, как поступили чехи (наиболее онемеченные из славян). Но бросаться в драку при абсолютно проигрышном соотношении сил – это по-польски.

Можно сказать: это комплекс сверхполноценности. Но он, я думаю, бесповоротно изжит сегодня, и Куняев отлично знает почему. Достаточно замаячить в Силезии силуэту немца, и поляка охватывает инстинктивная тревога, эвфемистически называемая сегодня: «страх перед Евросоюзом». Меняется геополитическая драма, меняются роли. Искать в этой ситуации то, что «выпало в осадок племенной жизни в древние времена», и сводить счеты четырехсотлетней давности (да хоть бы и столетней, пятидесятилетней) неразумно, да и не великодушно. Разумеется, генерал Андерс, заносивший («вжик-вжик!») саблю над немецкими панцирными армиями, смешон. И, разумеется, погибать в маковом поле под итальянским Монте-Кассино, вдали от Польши, – полное стратегическое фиаско. И не исключено, что жолнежи, гибнувшие под немецкими пулеметами и танками, все еще презирали «русских варваров»...

Так лучший ответ на презрение – не замечать его. И не сводить счеты с теми, кто гибнет. Если угодно, мне жалко всех. «И его, и тебя, и себя».

Эта моя позиция для сегодняшнего Куняева – гнилая. Ну, может, смягченно: пошлая. И – интеллигентская. Все правильно. Не отрекаюсь.

Польский интеллигент Адам Загаевский мечтает: «Если бы Россия была основана Анной Ахматовой! Если бы Мандельштам был в ней законодателем... Если бы...»

Куняев эти строки не комментирует. Я тоже. Но по разным причинам.
Комета пролетела. Хвост тает во тьме. Не прикуришь. Даже если и дашь прикурить.

От перемены мест...

«Чего нам бояться, если нас и русских – сто восемьдесят миллионов!»

Могут ошибиться в сумме; не исключено, что было сказано: «двести миллионов». За смысл ручаюсь: фраза, прозвучавшая со сцены (кажется, у вахтанговцев, году в 1947 или 1948-м, но до роковой ссоры двух Иосифов: Тито и Сталина; пьеса была посвящена борьбе югославов против Гитлера), из спектакля только эта фраза и врезалась в сознание. Я не удивился бы, если бы мне тогда сказали, что эта фраза всплывет в памяти полвека спустя, но и вообразить бы не смог, как слагаемые этого уравнения не просто переменятся, а перевернутся.

Когда в начале Первой мировой войны русские корреспонденты близко увидели в прифронтовой полосе тех самых сербов, из-за которых Российская империя втянулась в кровавую свалку, – они были поражены (и, по-моему, растроганы) тем, насколько неотличимы деревенские жители с берегов Савы от наших родных украинцев: парубки в вышитых сорочках, вислоусые деды в широченных шароварах, черноокие дивчины, которые смотрятся настоящими «Марийками или Тытянами из какой-нибудь Семипановки южного уезда Киевской или Подольской губернии».

Остается понять, почему при такой общности корней и вероисповеданий родные души в Киеве спят и видят, когда москали уберутся к себе в Московию, а в Белграде такие же родные спят и видят, что русский медведь придет и спасет.

Может, потому там и любят медведя, что он далеко?

Все просто, когда свист клинков Косовского поля сливается со свистом пули Гаврилы Принципа, заваливающего австрийского наследника. Но все сложно, когда эту ниточку – взаимоотношу сербов и русских – пытаешься вытянуть из запутанного клубка истории. Это ведь не игра в пустом поле, где корни растут вольно, а вера сияет в чистых небесах, это именно свалка, где спутаны, сплетены, стянуты петлями интересы нескольких великих империй, каждая из которых способна претендовать если не на мировое, то на континентальное господство: Турецкая, Австрийская, Российская, Германская... А там еще и Британия, и Франция, и Италия, и Греция. И всем надо. И это никакие не идеальные стороны уравнения, у которых надо только докопаться до корней и докричаться до бога, – это стая хищников, кружащих около того из них, кто ослабел и кого можно порвать на куски.

В данном случае ослабела Турция. Вечный башибузул наших преданий, источник славянских слез, мишень номер один наших казачьих подвигов...

Вот я и хочу вдуматься в психологическое состояние служак Порты, у которых уже к XVIII веку мало что осталось от тех воинов, перед коими пали стены Константинополя. А в XIX? Когда при первых черногорских залпах из засады турецкие отряды бегут, не принимая боя! Когда только сборщики дани в городах пашалыка и помнят о могуществе державы, вгнавшей когда-то в страх всю Южную Европу. Да они Кемаля обоготворили только за то, что тот выкрутился из-под имперского статуса и вернул свой народ в национальные границы! И то курдский свищ до сих пор кровоточит.

Надо же вдуматься в психологию турок, еще недавно – «имперской нации», – чтобы представить себе состояние, в которое попадает народ, теряющий этот статус. Когда из-под ног уходит почва, из рук – наследие, собранное веками. Русские хорошо знают, что это такое. Так можно же понять и сербов, которые два века ценой кровавых восстаний и междоусобий сплачивали югославянскую федерацию, а она стала рассыпаться, «потому что все империи рано или поздно рассыпаются». Что же, утешаясь этим, они должны были созерцать этот процесс и пускать сопли умиления по поводу «всемирной демократии»? Или ценой зверских усилий спасать, что можно? Спросите у англичан в Ольстере, как у них там со всемирной демократией.

А как спасешь державу, как сплотишь ее, если и этническое единство, и общая вера изнутри разрывается? Попробуйте сложить в югославянскую сумму сербов и болгар! Да если даже они и договорятся, – им же извне помешают те самые львы, медведи и волки, на помощь которых они могли бы рассчитывать. Сталин-то с Тито почему разодрался? Характеры? Характеры – только оформление геополитической драмы. А дело в том, что едва забрезжил на наших южных рубежах предполагаемый союз Димитрова и Тито, – как Сталин понял: такая южнославянская громада вряд ли станет подчиняться его диктату. Пришлось ее в 1948 году упреждающим ударом ликвидировать.

Не укладывается балканская мозаика в створы племенных и вероисповедных конструкций. Слишком все непредсказуемо. Не угадаешь, с кем спасет братание и откуда грянет напасть. Кривые ятаганы с юга. Прямые танковые колонны с севера. «Точечные» бомбардировки с запада.

Как вертеться сербам под этими ударами? То им Москва – «город снов и идеалов». А то великую Сербию Йован Ристич выстраивает по германской модели (Леопольд Ранке вырастил-таки двух строителей: Ристича и Бисмарка). То сербы только и ждут, когда Александр II двинет Дунайскую армию против турок, и обещают присоединиться «в пять недель», а когда русско-турецкая война начинается, – пять месяцев тянут и уклоняются от боя, выжидая, что все сделается русскими руками...

Ох, эти счета. В 1914 году именно из-за сербов ухнула Россия в мировую войну, в которой ей переломали кости, однако в 1941 году те же сербы преградили путь Гитлеру, и тот увяз на Балканах, и не в мае, а в июне смог ударить по Советскому Союзу, и не управился с блицкригом до русской зимы...

Попробуйте же скалькулировать эти увечья на юридических счетах. Да посмотрите повнимательнее на балансы Гаагского трибунала, где судят сербских военачальников за зверства при попытке сохранить державу, но не судят с таким же тщанием албанских военачальников за зверства в попытках державу развалить, – а ведь над последними тоже веет образ державы: кончающаяся в муках Порты.

Белградские демократы могут предъявить калькуляцию, заставившую их выдать своего бывшего президента; миллионные кредиты будут проедены; долларовая цифра останется в памяти – не как живительный дождь инвестиций, а как тридцать сребреников, за который был продан вождь.

Биляну Плавшич, экс-президента боснийских сербов, осуждают в Гааге на 11 лет тюрьмы. В той тюрьме – сауна, массажные кабинеты, манеж для верховой езды, зал для танцев (Биляне 72 года, ей только танцевать и остается). Нет, правда, в тюрьме бассейна для плавания, «узники жалуются»: видимо, отсутствие бассейна нарушает их права человека.

Хочется сравнить это гаагское узилище с титовскими застенками, где бывшие усташы совали с головой в парашу бывших коммунистов... и подсчитывали количество доносов.

Вернемся лучше от этих калькуляций к тому «иррациональному» (и потому не подвластному никакой калькуляции), чисто-человеческому (и потому «необъяснимому») базису отношений, когда, несмотря ни на что, сербы говорят: вместе с русскими нас сто восемьдесят миллионов...

Впрочем, это в 1945-м.

В 2000-м, стоя на белградских мостах под гуманными американскими бомбами, они формулируют более современно: – Русские, не бойтесь! Мы с вами!

Они – грузины

Не так давно грузинская история обогатилась «картинкой», которая благодаря «телекартинке» оказалась сенсационным зрелищем для миллионов людей, никак с событиями в Тбилиси напрямую не связанных, но захваченных драмой почти театрально неотразимой. Толпы людей входят (или вламываются?) в зал парламента; президент пытается что-то говорить с трибуны, но отступает и движется за кулисы, облепленный телохранителями (или ведомый ими против воли?); какие-то депутаты пробуют сопротивляться, но убегают из-под занесенных над ними кресел (тех самых, на которых они только что сидели). Объявлена «революция роз», но роз не видно (розы вручены охранникам парламента, чтобы не преграждали путь), зато видны палки, которыми предводители вторжения крушат все, что стоит на столах.

Ретировавшийся из зала президент сочувствия не вызывает (его хитроумие всем надоело), но все-таки сердце сжимается при виде диктатора-оратора, мгновенно превратившегося в безвольного медлительного старика.

Заполнившая пространство возмущенная и ликующая масса никаких ясных лозунгов не несет, кроме одного: «Кмара!» – что означает: довольно! Долой! Надоело!

Что именно надоело, сразу понять трудно, зато видно, что молодая энергия бьет ключом (кажется, что основную массу восставших составляют чуть ли не подростки).

На какое-то историческое мгновение взоры человечества задерживаются на Грузии: что все это значит, как это истолковать, чем это может обернуться для того же человечества, издерганного дурными предчувствиями.

Комментатор, пытающийся осмыслить эти события, вынужден преступить некую черту, которая воспрещает вмешиваться в чужие дела и судить о том, что происходит в чужой душе.

Особенно остро должен ощущать грозящую бестактность русский наблюдатель, помнящий, что за десятилетием разборок и счетов с грузинами лежало у нас полстолетия прочного содружества.

Не буду пересказывать общеизвестное: оно не поможет обрести решимость и судить о том, в какой мере произошедшее вытекает из грузинского национального характера и куда оно потечет в створах этого характера дальше.

Я и не берусь рассуждать. Но имею возможность опереться на суждения человека, который, будучи сам грузином, не постеснялся осветить эту тему жестко и остро.

В октябре 1999 года в «Дружбе народов» была опубликована работа Георгия Нижа-радзе «Мы – грузины», с несколько извиняющимся подзаголовком: «Полемические заметки по поводу некоторых социально-психологических аспектов грузинской культуры».

Всех аспектов, конечно, не охватить. Но некоторые – самое время додумать.

Аспект первый: власть близкая и власть далекая.

«Грузин... проявляет лояльность по отношению к власти, находящейся на отдаленном расстоянии (султан, шах, император), но всегда оказывает сопротивление местным властям». Лейтмотив его политического поведения: установив хорошие отношения с далекой сильной властью, бросить силы на борьбу с местной властью, которая слаба.

Не надо думать, что выбор далекого покровителя в прошлом сводился к пасьянсу: султан, шах, император (я бы добавил сюда и генсека, но тут история осложняется тем, что генсек был грузином, и это особый сюжет). И теперь решаться будет не только вопрос о том, кто от Грузии дальше: русский брат или американский дядюшка. Но синдром обретает куда меньшую грандиозность (и куда большую драматичность), когда для абхазов или южных осетин «ближняя местная власть» ассоциируется с Тбилиси, а дальняя точка опоры – с Москвой. Но это еще более-менее привычно, а вот то, что аналогичный поиск далекой крыши начали демонстрировать аджарцы, прижатые к южной границе и вроде бы исторически притуреченные и

несколько более затронутые соблазнам ислама, нежели грузины центра, христианство которых исчисляется аж с пятого века, – настроение аджарцев факт впечатляющий. Не уверен, что он побуждает к оптимизму, но к фатализму – точно. Ибо лежит точнехонько в «аспекте».

Аспект второй: *carpe diem* – лови минуту!

Георгий Нижарадзе пишет:

«Начиная с тринадцатого столетия... стремление к богатству и власти удовлетворяется в основном грабежом и войной. Переродившийся рыцарь, рискуя жизнью, добывает богатство, которое сразу же тратит... Экономить деньги бессмысленно; его убьют если не в ближайшей, то в следующей за ней войне. Богатство в основном проявляется в роскоши и поэтому тратится быстро, а показателем благосостояния считается обильное питание... Отношение к торговле – отрицательное. Торговля и коммерция носят «дикий» характер: обман, стремление к сиюминутной выгоде: продать «мало и дорого» (а не «много и дешево» как стало свойственно следующей эпохе)».

На протяжении полутысячелетия так и не случилось сколько-нибудь долгого периода стабильности. Враг сменяет врага, хозяин хозяина. Вырабатываются стереотипы: уважение к индивидуальной власти, стремление жить сегодняшним днем.

«Существование тяжело и скудно, поэтому краткосрочные периоды спокойствия и изобилия используются максимально, дабы не потерять ни одной минуты, несущей плотские наслаждения».

Особых «плотских наслаждений» за последние десять-пятнадцать лет в жизни массы грузин не наблюдается. Напротив, плоть страдает: света нет, тепла нет, денег нет. А что есть? Взрывная интенсивность короткого дыхания. Романтический взлет надежды, не подкрепленной ничем, кроме желания взлететь, и немедленно. Что можно вспомнить по контрасту? Да, это вам не протестантский Запад, где веками учились строить далекие планы и рассчитывать на дальние сроки. Это вам и не многотерпеливая Русь, где веками привыкли выживать при непрерывно рушащихся надеждах. А тут – приходит к власти пылкий рыцарь-романтик и говорит: идите за мной, я знаю, что делать! Подавляющее большинство народа верит и идет. А через считанные месяцы тот же самый народ разочарованно наблюдает, как рыцаря скидывают с коня и изгоняют в небытие. Что изменилось-то? А ничего: надеялись, что в один день со свободой все сделается само: откроются границы, явятся войска НАТО, хлынет долларový дождь...

Ну а если бы все это состоялось? Тоже растратили бы в один день: хоть один, да наш?

Перечитывая Нижарадзе, начинаешь думать, что и такое не исключено. В том числе и в будущем, путь в которое вроде бы усыпан розами.

Аспект третий: «пространство ответственности», сужающееся до минимума. До точки. Эта точка: я и мой круг.

Нижарадзе пишет:

«Создается впечатление, что для значительной части грузин понятие «Грузия» в лучшем случае объемлет природу, памятники культуры, привычный образ жизни, но не включает в себя других грузин. Мои (или моих ближайших родственников) интересы, а зачастую сиюминутные импульсы заведомо выше интересов всех остальных. Я в хорошем настроении, достал оружие и палю в потолок, кому какое дело?! Воровство в принципе надо осуждать, но если близкий мне человек украл, я не пожалею сил, чтобы спасти его от заслуженного наказания. Родину следует защищать, но своего сына я в армию не отпускаю».

Весьма узкое «пространство ответственности» охватывает в основном круг семьи, родственников и друзей. Страна, Родина – ценности абстрактные и на долгосрочное поведение влияют мало. Грузин в чужой культурной среде может приобрести международное признание, а на родине стать жертвой мелких интриг и глупой амбициозности.

Конец карьеры Эдуарда Шеварднадзе побудил политологов, комментировавших это событие (в частности, в программе «Кавказские хроники» на радио «Свобода»), к таким даль-

нобойным рассуждениям: грузины вообще лучше реализуют свои творческие потенции вне Грузии, на чужой почве, в «чужой игре». В этом они похожи на евреев, армян. Может, это компенсация «сужающейся ответственности»? Дома, в «своем кругу» так тесно, так трудно, что надо вырваться на простор, И тогда...

Пример из эпохи, когда Россия обеспечила Грузии «сравнительно стабильное положение», но так и не могла справиться с особенностями ее менталитета:

«Один грузинский князь, проводивший время в кутежах и неге, в духане убил человека в драке. Его сослали в далекую российскую губернию, где он своим трудолюбием и честностью заслужил всеобщую любовь и уважение. Обучил население шелководству и огородничеству, вскоре стал советником губернатора по хозяйственным вопросам. Но достаточно ему было возвратиться на родину, как он вновь окунулся в водоворот прежней жизни и в очередной драке был сам убит».

Надо ли перечислять грузин, на мировой арене сделавших умопомрачительные карьеры? Сталин, конечно, приходит в голову первым, но ведь и Шеварднадзе, обаявший мир с трибуны ООН в качестве министра иностранных дел сверхдержавы, смотрится куда лучше, чем в роли живущего в ожидании покушений президента маленькой страны.

«У грузинского дворянства с его склонностью к разгулу, с узким временны́м и пространственным горизонтом, чванливостью, нерасчетливостью, отголосками кодекса рыцарской чести, инфантильным индивидуализмом не было будущего».

У русского дворянства тоже не было будущего. Но по другой причине: русский комплекс противоположен грузинскому: мы распинаемся непременно за весь мир, отвечаем непременно за все на свете и в конце концов отвечать за себя не успеваем...

Аспект четвертый: грузины – баловни Советской власти.

Давайте сразу абстрагируемся от фигуры Сталина, который, несмотря на свои грузинские корни, гробил грузин не меньше, чем остальных. Некоторые даже считают, что он был по характеру больше осетин (пошел в отца), но это тоже слабое утешение: для грузин-то он был – грузином! И любили они его за те чисто грузинские черты, которые в нем видели (или ему приписывали).

«Сталина любили не вопреки тому, что он уничтожил миллионы людей, а потому, что он олицетворял свободное от любых ограничений своеволие». То есть за «примат собственных желаний над общими нормами поведения и, как следствие, нигилистическое отношение к законности».

Вот отношение это: когда не закон защищает человека, а человек, уврачиваясь, защищается от закона, – высвечивает советскую жизнь вообще и жизнь грузин при Советской власти лучше, чем национальные корни того или иного сверхдержавного вождя.

Речь идет об адаптации грузин к общесоветской двойной морали.

Георгий Нижарадзе пишет:

«Выработанный в Грузии «социокультурный ответ» на специфические «правила игры» поздне тоталитарного режима... оказался настолько адекватным, что рискну сказать: 60-80-е годы в истории нашей страны (то есть Грузии в составе СССР. – Л.А.) можно считать одним из самых беззаботных периодов... Мир и прожиточный минимум были гарантированы, источники добывания денег многочисленны, культурная жизнь (в узком смысле слова) была ключом... улицы были полны улыбающихся, доброжелательных людей. Проблемы, конечно, были: коррупция, наркомания, преступность и многое другое, но практически их никто не воспринимал как свойственные грузинской общественности пороки».

Когда все это кончилось и настала пора отрезвления, истина обнажилась: минимум гарантированного благополучия был платой за отказ от свободы; обретя свободу, грузины расплатились отказом от минимального благополучия. За все надо платить, вот в чем горе.

Так когда тысячи молодых людей кричат: «Довольно! Хватит! Долой!» – они что имеют в виду: долой диктатуру или долой свободу?

А это выясняется, когда новый «хозяин» захватывает место «старого».

Аспект пятый: магия материнства – инфантильность отпрысков.

«Психологическая реакция на... постоянную тревогу, беспорядки, неопределенное будущее... порождает в душах воспитателей... мощный мотив – с максимальной полнотой использовать возможности тесных взаимоотношений с малолетним ребенком и передать ему свою любовь, создать комфорт».

На первом месте – Мать.

Чувство юмора продиктовало Георгию Нижарадзе – по поводу известного памятника Матери-Грузии – тонкий вопрос: а где находится и что делает отец?

Вместо ответа можно напомнить, что памятник сооружен на пьедестале, где ранее стоял Отец Народов.

Какое детище может произойти от таких родителей?

У детища два жизненных мотива: индивидуальная безопасность (комфорт, – уточняет Нижарадзе) и сила, доминирование, хотя бы иллюзорное (уточнено: своеволие).

«Неудовлетворение этих потребностей вызывает агрессию, которая до определенного момента накапливается скрытно».

Потом наступает момент.

Интереснейшее сравнение: моральный вакуум, исказивший души позднесоветского поколения, в русской среде заполнился «армейской моралью», которая оказалась свойственна и преступной среде: для русских молодежных банд (формулирует Нижарадзе) характерны: твердая возрастная субординация, жесткая дисциплина, обязательная физическая подготовка, склонность к коллективному насилию...

Добавлю, что эта жесткость (чтобы не сказать: свирепость) русской самоорганизации – не что иное, как попытка преодолеть природную мягкость, расслабленность и учуянную Толстым склонность к ненасилию. Толстому, как известно, «зеркально» ответил Ленин, создав твердо-каменную партию.

Что же у грузин? Чем они компенсируют духовный вакуум? Куда деваются молодые люди, мечущиеся между стремлением к самостоятельности и привычкой жить в комфорте? Что с ними происходит?

«Бурный эмоциональный бунт против режима, жадное поглощение всего, доселе запрещенного, полное, абсолютное игнорирование того, что независимость и свобода связаны с чувством ответственности, растерянность, тоска по «хорошей жизни», раздражение против всех и вся, ругань по адресу «старого хозяина» и одновременно ожидание от него помощи, сплошная дезорганизация, поиски «нового хозяина» и чуть ли не надежда на личное вмешательство Богородицы...»

Богородица-то далеко, так далеко, что эта крыша и впрямь может показаться наилучшей. Розовые кусты ближе. Правда, они с шипами. Георгий Нижарадзе постарался эти шипы ощупать. Статья его читается (перечитывается) с ощущением сбывшегося дурного предчувствия и вместе с тем – с ощущением заводной талантливости народа, упрямо идущего своим путем по дороге, отнюдь не усыпанной розами.

Остается пожелать ему выйти к тем ценностям, без которых не выжить в XXI веке, и при этом остаться самим собой. Иногда это удается.

Капсулированный дух

Раньше... раз в неделю ангелы на небесах на вашем языке Бога славили, а теперь вы на земле друг друга понять не можете.
Отар Чиладзе, «Годори»

Когда тридцать лет назад Отар Чиладзе (блестящий грузинский поэт того, послевоенного, поколения, которое в русской части увенчалось именем «шестидесятников») опубликовал свой первый роман (чем не только вписал свое имя в ряд ведущих прозаиков позднесоветской эпохи, но и положил начало новому в грузинской литературе жанру, названному по аналогии с латиноамериканцами мифологическим романом), тогда сюжетный исток он отыскал в легендарной эпохе аргонавтов, явившихся в Колхиду искать золотое руно.

«Годори» – новый роман Отара Чиладзе (теперь уже патриарха грузинской прозы), где продолжено осмысление истории, заложенной аргонавтами (и доведенной в «Железном театре» до рубежа двадцатого столетия), – начат с того эпизода Средних веков, когда папа Пий Второй, вознамерившийся выгнать османов из Византии, стал искать союзников и послал некоего Лодовико из Болоньи в страну Грузию, которая по книгам и легендам была известна как христианская твердыня, прославленная рыцарским благородством и воинской доблестью. Вышеозначенный Лодовико, с трудом и риском добравшись до места, на вышеозначенном месте Грузии не обнаружил. Вообще.

Ни твердыни, ни рыцарей, ни воинов. Название есть – Грузии нет. «Географическая фальшивка. Исторический абсурд».

Этот эпизод в новом романе Отара Чиладзе не просто начинает повествование, он мерцает на всем его протяжении как символ, хотя ткань состоит из самоновейших впечатлений жизни, навеянных уже эпохой послесоветской независимости, казалось бы, далекой от времен Пия Второго и его несостоявшегося крестового похода.

Османы только начало – «чудовище, нагрянувшее из необъятных и таинственных азиатских просторов... новорожденный дракон с не окрепшими еще зубами, уже отхвативший краешек Европы, отведавший ее белого мяса и облизывающий окровавленную пасть».¹

Интересно, что монгольский дракон, нагрянувший из тех же просторов тремя веками раньше (и отхвативший у Европы Русь), остается за пределами романа (хотя и сказано вскользь, что именно нашествие монголов «полностью разрушило и развалило гордую страну»). Зато подробно описано чудовище, проглотившее Грузию через триста лет после вояжа Лодовико из Болоньи.

Вот оно: «Наши несчастные цари очнулись только тогда, когда их страну, расплзшуюся на лоскутья при грузинском Александре Первом, собрал воедино русский Александр Первый, причем собрал во чреве великой империи... дабы впоследствии Грузия явилась миру исключительно из ее заднего отверстия...».

Если бы в данном случае речь шла только о Грузии, даже в ту пору, когда она входила в состав СССР, а Отар Чиладзе был представителем многонациональной советской литературы, я трижды подумал бы, прежде чем комментировать этот образ, а уж теперь что там говорить, когда Грузия полтора десятилетия как выпала из чрева, то есть из утробы, то есть из задницы чудовища.

Но поскольку чудовище – Россия, я чувствую себя вправе на этот образ отреагировать. Начиная, не взыщите, с задницы.

¹ Перевод с грузинского Александра Эбаноидзе отмечен изяществом, казалось бы, труднодостижимым, если учесть перенасыщенную полифонию прозы Отара Чиладзе. См.: «Дружба народов». 2004. № 3-4.

Из того же места по той же логике вышли и явились миру не только грузины, но все народы, попавшие во чрево, и прежде всего сами русские, то есть восточные славяне, а также финны, татары и другие племена, выстроившие общую державу. Почему только грузинам такая честь? Я, как русский человек, прошу справедливости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.